

КАТ N

831-2 *Лема*

С. Гусев - Оренбург

~~50~~ 50

50

СТРѢЛА

РАЗСКАЗЪ

INV. No. 1220

LIBRARY
in memory of Martyred Emperor
NICHOLAS, II
(Affiliated with St. Nicholas
Russ. Orth. Cathedral of Seattle)

ПАРИЖЪ

1933

LIBRARY
in memory of Martyred Emperor
NICHOLAS, II
(Affiliated with St. Nicholas
Russ. Orth. Cathedral of Seattle)

СТРѢЛА

Незадолго до больших маневровъ въ казармы пригнали табунъ лошадей, и солдаты должны были заняться подготовкой ихъ къ строевой службѣ. Лошади были большею частью смирныя и уже ходившія подъ сѣдломъ, такъ что особенныхъ хлопотъ не причиняли. Но каждый разъ въ табунѣ оказывалось съ десятокъ дикихъ степныхъ скакуновъ, взятыхъ прямо изъ степного косяка. У солдатъ, при видѣ ихъ, лица заранѣе дѣлались недовольными и злыми. Во вторую роту на этотъ разъ было зачислено два скакуна: они мелкой дрожью дрожали при приближеніи человѣка и оскаливали зубы. Обѣ лошади были красавицы! Обѣ черной масти, воронки, на груди съ бѣлыми отмѣтинами, только одну портила несоразмѣрно большая голова и слишкомъ прямая, ровная спина; другая же казалась воплощенной граціей со своими тонкими нервными ногами и сторожко вздернутой головкой. Въ ротѣ было нѣсколько

спеціалістозь по объѣздкѣ дикихъ лошадей, но среди нихъ какъ бы старшимъ считался Гребенцовъ. Человѣкъ это быть крупный, не особенно плотный, но жилистый, что-то медвѣжье было во всей его фигурѣ. Но лицо имѣлъ веселое и въ маленькихъ глазкахъ его всегда свѣтилась какъ-то усмѣшка. Когда на урокахъ тренировали лошадей, взводный унтеръ-офицеръ позвалъ:

— Гребенцовъ!

И кивнулъ ему на воронковъ.

- Хороши?

— Такъ точно, господинъ взводный! Не кони... звѣри! Хлѣпотъ съ ними будетъ достаточно. Замучаютъ!

--- На то служба, Гребенцовъ. Ну, будь крестнымъ отцомъ. Давай имена.

Гребенцовъ критическимъ взглядомъ окинулъ лошадей.

— Такъ что ты, большеголовую, Ураганомъ назовемъ, ходъ у ней большой будетъ.

— А другую?

— Стрѣла, господинъ взводный.

По лицу унтеръ-офицера видно было, что имена ему понравились. Онъ задумчиво смотрѣлъ на лошадей, какъ-будто о чемъ-то печальномъ думалъ. Впрочемъ, у него лицо вообще было задумчивое. Эта задумчивость свѣтилась и въ выпуклыхъ глазахъ, которые онъ большею частью держалъ опущенными, и какъ будто таилась подъ густыми усами, уныло свисавшими книзу. Командовалъ онъ обыкновенно молодецки и громко, а говорилъ однотонно и тягуче.

— Гребенцовъ, — сказалъ онъ.

И опять кивнулъ на воронковъ.

— Которую?

Такъ что, господинъ взводный. Урагана!

— А Стрѣлу кому поручимъ?

— Не иначе, какъ Перхуну: онъ человѣкъ смѣлый, а Стрѣла — лошадь съ норовомъ.

У Герхуна было пухлое личико, востренькій носикъ и быстрые глаза. круглые, какъ-будто птичьи, но горѣвшіе неукротимой злобой. Онъ отличался тѣмъ, что къ каждому обыкновенному слову прибавлялъ три матерныхъ, съ лошадьми обращался жестоко, былъ наклоненъ къ запою и дракамъ. Всѣ знали, что онъ страшно тоскуетъ по деревнѣ, женѣ и ребятамъ, но шутить на этотъ счетъ опасались, потому что онъ, какъ что, вытаскивалъ и ножъ.

— Перхунъ, — сказалъ унтеръ офицеръ, — тебѣ обучать Стрѣлу.

— Неправильно назвали. Я лошадей знаю. Это не Стрѣла... а Смерть.

Взводный вскинулъ на него глаза и, встрѣтивъ горящій злобою взглядъ, угрюмо проворчалъ:

— Молчать! Въ карцеръ хочешь?

— Лучше карцеръ, чѣмъ смерть, господинъ взводный!

— Молчать! — уже крикнулъ унтеръ офицеръ, — развѣ не знаешь, что солдатъ каждую минуту долженъ быть готовымъ къ смерти за отечество. А лошадь обучить нужно. Слышалъ?

— Такъ точно. Служба, значить. Слушаю-съ! Гребенцовъ смотрѣлъ посмѣиваясь.

— Дозвольте, господинъ взводный, — сказалъ онъ, — передъ началомъ честь отдать... для храбрости.

Унтеръ взглянулъ на него и тоже улыбнулся. Онъ зналъ что это за честь, и приказалъ принести водки. Гребенцовъ снялъ фуражку, взглянулъ въ нѣбо, перекрестился и медленно выпилъ. Перхунъ выхлебнулъ сразу и злобно плюнулъ.

— Ну, — крикнулъ Гребенцовъ, — двумъ смертямъ не бывать, а одной не мичовать. Ребята, сѣдлай!

Это было трудное дѣло.

Сначала Урагана поставили въ станокъ

Онъ мигомъ взмокъ и покрылся пѣной отъ яростныхъ усилій освободиться. Онъ бился, бился всѣмъ тѣломъ, ногами и головой. Каждая жилка его красиваго тѣла трепетала. Оскаленными зубами онъ пытался ухватить своихъ мучителей. тяжело хрипѣлъ, поводя безумными, налитыми кровью глазами, и вдругъ принимался кричать какимъ-то особеннымъ тонкимъ и жалобнымъ голосомъ. Наконецъ, сѣдло было прилажено, подпруги подтянуты, мундштуки вложены въ зубы. Лошадь вывели изъ станка и нѣсколько чело-вѣкъ ее держало.

— Пускай, — крикнулъ Гребенцовъ.

И мигомъ, на лету, взмахнулъ въ сѣдло.

Тотчасъ духъ у него занялся отъ адской боли. Онъ подумалъ, что его предположеніе оказалось вѣрнымъ: эта лошадь съ прямой спиной была ужасно тряска. Не успѣвалъ коснуться сѣдла, какъ его подбрасывало вверхъ, и такъ

мажливую секунду, такъ безъ перерыва, потому что Ураганъ мчалъ съ безумной быстротой; онъ едва только успѣвалъ направлять его. Какъ сонъ, промелькнули ворота, площадь, куда выходила тусклыми окнами казарма, крѣпостной валъ... Все дзоилось, троилось въ его глазахъ, колыхалось, какъ на волнахъ, быстро набѣгало и исчезало. Вотъ мелькнула водокачка, какъ-то скривилась и тотчасъ скрылась. И какъ тяжелый, кошмарный сонъ, развернулась и тускло заколыхалась передъ нимъ степь. Грудь ломило, онъ задыхался, не называя какъ онъ говорилъ потомъ, — «текли не слезою, а кровью». Ему казалось, что сѣдло горитъ подъ нимъ, охватываетъ его пламенемъ. Мученье увеличивалась тѣмъ, что моментами Ураганъ останавливался и дико принимался взбрасывать зѣдомъ, чтобы стряхнуть всадника... и опять мчалъ свихремъ, летѣлъ, уносился въ какое-то воющее пространство, а у Гребенцова долго оставалось впечатлѣніе зеленыхъ круговъ передъ глазами и искръ, яркихъ до боли. Онъ пытался кричать что-то ободряющее и пѣть даже.

Но тутъ же давился словами.

Что-то теплое подступало къ горлу... тошнило.

Онъ стиснулъ зубы.

— Умру... а смирю! Пропадать — такъ...

Онъ крѣпко натянулъ поводья, поднимая лошадь на дыбы, поворачивалъ вправо, влѣво, чувствуя въ то же время, какъ что то теплое выходитъ изъ него, пропитываетъ толстые солдатскіе штаны, а потомъ и сѣдло...

Черезъ четыре часа онъ шагомъ въѣхалъ на

казарменный дворъ, безъ кровинки на лицѣ, остановилъ лошадь среди двора какъ вкопанную и бросилъ солдатамъ поводья.

— Готова. Ягненкомъ будетъ. Только несчастный тотъ человѣкъ, кто ѣздить будетъ на ней.

Онъ протянулъ руки.

— Снимайте.

Когда его сняли, онъ уже не могъ стоять безъ поддержки. Подошелъ унтеръ-офицеръ, посмотрѣлъ на сѣдло, пропитанное кровью, на штаны, принявшіе грязно-бурый цвѣтъ, и задумчиво покрутилъ головой.

— Вся краска вышла, слабо улыбнулся ему Гребенцовъ, — дозволейте въ лазаретъ.

Въ лазаретѣ на койкѣ рядомъ съ своей, онъ увидалъ Перхуну и очень удивился. У того все лицо было забинтовано, онъ тяжело, хрипло дышалъ и былъ безъ памяти. Потомъ уже Гребенцовъ узналъ, что Перхунъ лихо вскочилъ на Стрѣлу и съ гикомъ помчалъ, какъ вдругъ передъ самыми воротами Стрѣла взмылась на дыбы и перекинулась на спину... Перхунъ былъ изуродованъ и измятъ. Всю эту первую ночь Перхунъ бредилъ, произносилъ какія-то жалостныя слова, кого то называлъ по именамъ. И Гребенцову странно было, что ни разу Перхунъ не выкрикнулъ матернаго слова. И вдругъ ему стало страшно: вѣдь это онъ посовѣтовалъ опредѣлить Перхуну къ Стрѣлѣ. Съ внезапно вспыхнувшей ненавистью онъ подумалъ о лошади.

— Видно, моихъ рукъ не минуешь... погоди!

Онъ вставалъ ночью и вливалъ воду сквозь

стиснутые зубы больного, оправляя повязки на разбитомъ лицѣ его. И какія-то неясныя сожалѣнья и сомнѣнья волновали его.

Къ утру Перхунъ открылъ глаза и узналъ Гребенцова.

— Ты?.. — почему-то прохрипѣлъ онъ.

— Я, я... — молчи! — тихо склонился надъ нимъ Гребенцовъ.

И ласково смотрѣлъ на него.

— Экъ тебя... бѣднягу.. ну, да не трусь... встанешь! Еще послужимъ! Еще на войну по-падемъ!

Перхунъ не отрываясь смотрѣлъ на него.

Но въ глазахъ его уже не было прежней злобы, а какая-то неутолимая тоска.

— Землякъ, — прохрипѣлъ онъ.

Въ горлѣ его что-то клокотало.

— Нагнись... ближе... землякъ!

Гребенцовъ нагнулся.

— Помру... отпиши женѣ... и ребятамъ... дѣткамъ моимъ... что моль... благо... что моль... благо... сло ..

Онъ опять впалъ въ безпамятство.

Черезъ три дня Гребенцовъ вышелъ изъ лазарета.

Тотчасъ же его потребовали къ ротному.

Ротный командиръ, штабсъ-крпитанъ Озновъ, былъ человѣкъ нрава угрюмаго и страшно вспыльчивый. Въ свободное время онъ читалъ Четьи-Минеи и мечтою его жизни было вывести въ люди дѣтей, обезпечить жену пенсіей, а самому уйти на Афонъ. Онъ и съ виду немного напоминалъ монаха, переодѣтаго въ мундиръ. Солдаты его не

любили, потому что по службѣ онъ былъ придирчивъ и требователенъ и на ученьи часто впадалъ въ бѣшенство, налеталъ на провинившагося съ кулаками и яростными словами... случалось — билъ. А потомъ вечеромъ призывалъ къ себѣ обиженнаго. подносилъ ему водки и извинялся.

— Не гнѣзись, братъ... извини, братъ...

Служба!

Когда Гребенцовъ явился, ротный сказалъ:

— Скажи на милость, Гребенцовъ, что намъ съ этой проклятой Стрѣлой дѣлать? Ты слышалъ, что она кромѣ Перхуна, Васильева изувѣчила?

— Такъ точно, слышалъ.

— А Лукина на смерть разбила... слышалъ?

— Такъ точно, слышалъ.

— Все ложится проклятая на спину!

Ротный смолкъ и пытливо смотрѣлъ на Гребенцова. Тотъ прекрасно понималъ, чего отъ него хотятъ, и, чуть-чуть усмѣхнувшись, сказалъ:

— Обучить надо, ваше высокородіе, лошадь первосортная.

Ротный взялся съ мѣста, побѣжалъ по комнатамъ и вдругъ бѣшено закричалъ:

— Всѣхъ солдатъ мнѣ перепортить, что ли?!

Гребенцовъ продолжалъ усмѣхаться.

— Никакъ нѣтъ. Поручите мнѣ.

Ротный смолкъ, всталъ передъ нимъ и опять смотрѣлъ пытливо.

— Надѣешься?

— Такъ точно. Двумъ смертямъ не бывать, ваше высокородіе. Служба!

— Молодецъ! — сказалъ ротный.

И ласково разсмѣялся.

Гребенцовъ выпросилъ недѣлю сроку, чтобы ознакомиться съ лошадыю. Онъ каждый день ставилъ ее въ станокъ, прилаживалъ сѣдло, взнуздывалъ. Но въ то время, какъ Ураганъ давно уже позволялъ сѣдлатъ себя безъ станка, Стрѣла попрежнему билась въ станкѣ, дрожала и временами принималась кричать тѣмъ же страннымъ голосомъ что и Ураганъ. Но, придерживая мундштуки, Гребенцовъ замѣтилъ, что какъ только натянуть ихъ крѣпче, лошадыя дѣлаетъ бѣшеную попытку встать на дыбы.

— Ага, — проворчалъ онъ, — вотъ въ чемъ штука. .

Вся рота съ нетерпѣніемъ ждала того дня, когда Гребенцовъ сядетъ на Стрѣлу.

И Гребенцовъ сѣлъ.

Еще задолго до того солдаты бились объ закладъ на мѣдные пятаки и порціи чернаго хлѣба — кто за то, что Гребенцовъ побѣдитъ Стрѣлу, а кто за то, что Стрѣла сомнетъ его, какъ и прочихъ. Самъ ротный явился посмотреть на борьбу челоѣка съ лошадыю и собственноручно поднесъ ему чарку водки. И когда Гребенцовъ, перекрестившись, крикнулъ:

— Пусти!!

И летомъ взмахнулъ на Стрѣлу, солдаты и ротный пустились бѣгомъ за ворота, чтобы посмотреть ему вслѣдъ.

Но Стрѣла уже исчезла за крѣпостнымъ валомъ.

Только сѣрая пыль медленно осѣдала на дорогу.

Гребенцовъ хорошо понялъ норовъ лошади. Онъ зналъ, что стоитъ натянуть поводья и лошадь опрокинется на спину. Нужно было предоставить ей бѣжать, пока она не умыкается. Онъ чувствовалъ, что она крѣпко закусила удила, что она вся дрожить отъ бѣшенства, что налети она теперь на стѣну — она не остановится и вдребезги разшибется объ нее. Но онъ чувствовалъ также, что она не остановится внезапно, чтобы сбросить его черезъ голову, а будетъ бѣжать, пока не упадетъ, обезсиленная, или пока не смирится и не признаетъ его власть надъ собой. Изъ ноздрей ея вырывался паръ и брызги, изъ вороной она стала какъ бы снѣжно-бѣлой отъ обильной пѣны и онъ видѣлъ иногда ея косящій взглядъ, бѣшенный и какъ будто огненный! Онъ дѣлалъ попытки легкимъ нажимомъ мундштуковъ руководить ею и съ радостью замѣтилъ, что она подчиняется ему. И въ то же время онъ видѣлъ, какъ она хороша, какъ легокъ ея бѣгъ! Онъ птицей летѣлъ по степи и не чувствовалъ ея бѣга, будто сидѣлъ на удобномъ креслѣ, а кусты, деревья, стога сѣна бѣшено мчались ему навстрѣчу и исчезали. На этой лошади можно было и кричать и пѣть... и улелать!

— Э-э-й-й, — кричалъ онъ, — бере-е-ги-сь!!

Чер-ная галка

Бѣлая поля-н-ка...

Стрѣла дробно отбивала копытами по твердой степной дорогѣ. Она бѣшено работала и плечами и крупомъ, но спина ея въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилось сѣдло, точно скользила по воздуху. Ни на минуту, ни на секунду не уменьшала она бѣга, будто вся рвалась впередъ въ смер-той

жаждѣ расшибиться обо чтонибудь вмѣстѣ съ своимъ покорителемъ. Гребенцовъ съ радостью чувствовалъ, что онъ покорить ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ росла ненависть къ ней.

— А, — говорилъ онъ, — такъ-то... ты такая-то! Ну, погоди! Я за все отплатю тебѣ... За всѣхъ! За свой смертный страхъ отплатю тебѣ!

Семь часовъ уждали Гребенцова.

Наконецъ, уже къ вечеру, онъ влетѣлъ на казарменный дворъ почти тѣмъ же бѣшенымъ аллюромъ. И лошадь под нимъ вслѣдъ показала бѣлю. Подъѣзжая къ среднѣ двора онъ освободилъ изъ стремянъ ноги и кнутъ, натянулъ поводья. Неукротимая лошадь тотчасъ же завилась на дыбы и опрокинулась на спину. Но Гребенцовъ уже успѣлъ соскочить въ сторону. Сѣдланъ съ трудомъ поднялась и тупо смотрѣла мутнымъ взглядомъ, дрожа съ головы до ногъ, и безъ сопротивленія позволила проводить себя и отвести въ конюшню.

А по двору въ честь Гребенцова гремѣло:

— Ур-р-а-а!

Съ этихъ поръ Стрѣла вполне поступила на попеченіе Гребенцова. Никто, кромѣ него, не могъ сѣсть на эту лошадь, потому что никто не зналъ его секрета. Знали только что ужъ разъ она помчится, то нельзя ее остановить. Однажды на корпусномъ ученьи она умчала Гребенцова изъ своей роты далеко въ чужія части, и онъ долго гарцовалъ передъ полками на удивленіе солдатъ, пока не укротилъ ее и уже спокойно пріѣхалъ въ свою роту. И съ него не взыскали. Но въ общемъ Гребенцовъ покорилъ ее, подчинилъ себѣ.

даже до того, что она ржала, слышавъ его шаги и поворачивала къ нему свою умную, не укротимую головку. Другихъ же никого не подпускала. И хороша, и граціозна, и смѣла она была на удивленье! Ни ровъ, ни изгородь не могли ее остановить на пути ея бѣга. Случалось, ставили четырехъ лошадей, и она прыгала черезъ нихъ какъ кошка. Но Гребенцовъ былъ суровъ съ нею и все чего то не могъ ей простить...

—Погоди,—говорилъ онъ ей, — погоди... вышколю тебя!

А она клала ему на плечо голову.

Подошли большіе маневры.

Дни и ночи по дорогамъ двигались полки, стучали ящики, тяжело громыхали пушки, тянулись обозы... пыль такъ густо заволокла степь, будто горѣла и дымилась земля. Вездѣ играла музыка, звучали рожки сигналистовъ. слышалась строгая команда. Офицеры жаловались, что шель кавардикъ и неразбериха... трудно было отыскать свою часть. Потомъ изъ какого-то центра задержались нити, сѣрое море заволновалось, началась игра въ войну...

Гребенцовъ былъ назначенъ на развѣдки.

Бѣхало пять человекъ: задумчивый унтеръ, Перхунъ, весь въ рубцахъ и шрамахъ и по прежнему злой, Гребенцовъ и еще двое. Бѣхали они вторыя сутки. И уже съ полудня перваго дня у нихъ вышелъ весь запасъ хлѣба, а возобновить было негдѣ. Усталымъ и голоднымъ имъ приходилось пробираться степными балками, хорониться въ лѣсу, выслѣживая непріятельскія позиціи. Какъ нарочно въ тѣ деревни, гдѣ они

разсчитывали отдохнуть и подкрѣпитъся, съ ба-
рабачнымъ боемъ входили непріятельскіе отря-
ды, а имъ спѣшно приходилось утекать. Перхунъ
ворчалъ и ругался, къ каждому слову пристеги-
вая три матерныхъ. Унтеръ его не останавливалъ
и какъ будто думалъ все о чемъ-то печальномъ.
Только Гребенцовъ былъ по обыкновенію веселъ.
Стрѣла гарцовала подъ нимъ. она была худа,
измучена, но покорна.

На другой день имъ, наконецъ, удалось по-
пасть въ деревню, откуда только что вышелъ
непріятель. Съ горящими отъ голода глазами
они бросились отыскивать пищу. Какая-то баба
разрѣшила имъ нарыть картошки. Тутъ же на
задворкахъ у ручья они развели костеръ, съ
жадностью поѣли картофельнаго варева и раз-
леглись отдохнуть. Заговорили о маневрахъ, и
потомъ о настоящей войнѣ. Вдругъ унтеръ не
открывая глазъ, загудѣлъ своимъ однотоннымъ,
тягучимъ голосомъ:

— Въ долинѣ мы были разъ ночью... подъ
перекрестнымъ огнемъ орудій. Вотъ будто воз-
духъ горѣлъ вокругъ насъ и дышалъ на насъ
огнемъ. Да... Конечно... не теща тамъ встрѣ-
чаетъ съ пирогами! А утромъ .. взошло солнце.
какъ кровавое пятно. Смотримъ, — вся долина
покраснѣла отъ крови... перемѣшались ящики,
колеса, требухи лошадиныя. Лошади торчатъ
вверхъ ногами... Вдругъ слышу по близости го-
лось: — « братцы, Христа ради, убейте меня! »
Вижу: лежитъ человѣкъ съ разорваннымъ брю-
хомъ, кишки изъ него тянутся...

— Ну, и что же? — сумрачно спросилъ Гре-

бенцовъ.

— Перекрестиль... и приколоть его.

Перхунъ вдругъ вскочиль на ноги и злобно, яростно закричалъ:

— Зачѣ-е-мъ!!!

Бросилъ на землю ничкомъ и разрыдался. Унтеръ лежалъ, все не открывая глазъ. Потомъ заговориль тѣмъ же тономъ:

— Вотъ... закрою глаза... и онъ все передо мной... и все голосъ его слышу: «убейте меня, братцы... Христа ради!»

Унтеръ лѣнливо поднялся.

— Ну, мы поѣдемъ дальше. А ты, Гребенцовъ, отправляйся съ рапортомъ.

Уже надвигался вечеръ.

Гребенцовъ птицей летѣлъ по полямъ.

Но онъ попалъ въ самую сердцевину непріятельской позиціи. Тамъ и сямъ конные разъѣзды устремлялись за нимъ въ погоню, скакали ему на перерѣзъ. Онъ только посмѣивался. Онъ летомъ-вихремъ проносился подъ самымъ ихъ носомъ и, опередивъ, нарочно задерживалъ Стрѣлу и звонко затыгивалъ пѣсню.

Че - рная га - лка,

Бѣ - лая полянка...

Взошла багровая луна.

Онъ мчалъ въ ея мрачномъ свѣтѣ, далеко отбрасывая черную тѣнь. Онъ сильнымъ полукругомъ объѣзжалъ деревни. чтобы не попасть въ засаду. зорко всматривался въ темноту перелѣсковъ. Кругомъ шла таинственная жизнь, звучали рожки... бивуачные огни словно указывали дорогу. Вдругъ, гдѣ онъ совсѣмъ не ожидалъ, пе-

редъ нимъ выросла группа всадниковъ и сильный голосъ сказалъ:

— Что пароль?

И мигомъ они обривали полукольцо.

Гребенцовъ склонился къ лошади

— Стрѣлушка! Выручай... Полюблю тебя!

И первый разъ вонзидь ей шпоры.

Она какъ-то присѣла и вся рванулась.

Мигъ...

И она громаднымъ прыжкомъ пронеслась надъ всадниками. И ужъ гдѣ-то далеко позади они остались. Теперь нельзя было ее удержать. Гребенцовъ простучалъ по какому-то мосту, промчалъ селомъ. Разъ почувствовалъ, что летитъ въ пространствѣ, и только успѣлъ замѣтить подъ собою, гдѣ-то въ глубинѣ, темное серебро ручья. Мелькали перелѣски, хутора, темныя постройки. Еще разъ была погоня... Въ полночь онъ прискакалъ въ свою роту. И какъ только остановился, лошадь упала на колѣни.

Онъ соскочилъ съ сѣдла.

— Что... что съ тобой?

Но она уже встала и фыркала, отряхиваясь.

Что-то остро кольнуло его въ сердце.

Онъ представилъ ротному рапортъ.

— Молодецъ! — сказалъ ротный.

И даже положилъ ему руку на плечо,

— Не стрѣла у тебя лошадь, а Молнія. Береги ее.

Гребенцовъ потупился.

— Не Молнія она, ваше вск-родіе, а сестра мнѣ родная, только я, подлець... не берегъ ее... по злобѣ.

— За что?— удивился ротный.

— Не знаю... такъ что... не могу сказать... за упорство ея... Вотъ пойду и расцѣлю, какъ сестру родную!

Ротный разсмѣялся, а потомъ нахмурился.

Но, когда Гребенцовъ вернулся къ лошади, она лежала. Гребенцовъ такъ и кинулся къ ней, присѣлъ у ея головы и протянулъ руки, испуганно шепча:

— Что... что съ тобою... милая!

Она съ тихимъ стономъ подняла голову и положила ему на руки. Ея кровавый отъ натуги глазъ смотрѣлъ на него. Онъ потомъ рассказывалъ, что лошадь только не говорила: — «помоги же мнѣ»...

И умерла.

Гребенцовъ плакалъ надъ ней, какъ ребенокъ.

— Сестрица моя... Стрѣлушка!!!

Онъ упросилъ ротнаго позволить ему зарыть ее, надъ могилой положилъ сѣрый камень и на немъ неумѣлой рукой написалъ:

Стрѣла.

А послѣ маневровъ запьянствовалъ.

Группа лицъ,—пока въ составѣ шести человѣкъ,—страдающихъ отъ неизбывной безработицы и полной необезпеченности, рѣшила приложить всѣ усилія, чтобы организовать земельную колонію на Югѣ Франціи: приобрести землю на облюбованномъ мѣстѣ, между Каннами и Грассомъ, гдѣ земля стоитъ по 1 фр. за кв. метръ; оборудовать тамъ примитивное, на первыхъ порахъ, жилище, и завести огородъ. Обеспечивъ себѣ, т. образомъ, общими усиліями кровъ и пищу, группа предоставитъ каждому изъ своихъ членовъ выявлять себя въ привычной ему области, для чего будетъ постепенно приобретено все необходимое: типографскій шрифтъ, ручной станокъ, врачебные и техническіе инструменты и т. п. Ради привлеченія необходимыхъ для начала средствъ — издается настоящій рассказъ — „СТРѢЛА“, — въ надеждѣ, что лица, сочувствующія начинанію, всемѣрно помогутъ распространенію брошюры и лично и черезъ своихъ друзей.

Лица, желающія активно помочь группѣ или войти въ ея составъ, благоволятъ обращаться къ автору, какъ представителю группы.